Игры народов СССР/Сост. Л. В. Былеева, В. М. Григорьев М.: Физкультура и спорт, 1985. 269 с.

Рецензируемый сборник — результат большой работы по собиранию, изучению и систематизации народных игр, осуществляемой не только специалистами, но и энтузиастами-общественниками. Так, Клуб друзей игры (КДИ) при Московском областном отделении педагогического общества РСФСР за полтора десятилетия своего существования организовал более 30 экспедиций, в ходе которых собрано около 3000 игр разных народов. Описание игр проводилось по специальной анкете, предложенной В. М. Григорьевым. В работе над сборником участвовало более 50 авторов; в том числе этнографы из 35 союзных и автономных республик нашей страны.

Издание не является ни этнографическим, ни фольклорным. Тем не менее этот крупнейший за последние десятилетия труд, посвященный играм народов СССР, представляет интерес не только для педагогов, воспитателей, родителей, но и для историков, фольклористов, этнографов.

Игра как историко-культурное явление всегда привлекала внимание этнографов. Еще классики эволюционизма пытались интерпретировать игры с точки зрения теории пережитков. Э. Тейлор, изучая игры народов Центральной Америки и Индии, сделал попытку доказать их происхождение из единого центра. Играми занимались К. Уисслер, А. Р. Радклифф-Браун, Б. Малиновский, Г.-Х. Мид [1] и др. В дореволюционной России большую работу по изучению народных игр проводили Русское антропологическое общество при Петербургском университете, Восточное отделение Русского антропологического общества и другие общества, а также отдельные ученые. Определенную лепту в изучение, систематизацию и использование народных игр как средства физического развития подрастающего поколения внесли советские этнографы в 1920—40-е годы [2]. К сожалению, в последние десятилетия роль игры в контексте этнической культуры в нашей этнографической литературе почти не освещалась. В отдельных монографиях и статьях игры обычно рассматривались лишь как иллюстративный материал при описании быта тех или иных народов [3], в то время как зарубежные исследователи занимаются этой тематикой много и плодотворно [4].

Вместе с тем народные игры как часть культуры этноса могут многое дать при решении задач, стоящих перед этнографической наукой. Возникнув на конкретной этнической почве в условиях определенной этнической среды, игры обычно имеют этническую окраску. Однако им не свойственна национальная ограниченность. Игры легко проникают в инонациональную среду, быстро прививаются и широко бытуют в ней, зачастую благодаря общей основе, которая может свидетельствовать о генетическом родстве и об исторических контактах народов — создателей определенных игровых комплексов или их элементов.

Естественно, перед авторами сборника не ставились задачи чисто этнографического изучения игр. Тем более велика заслуга тех из них, которые в небольших по объему вводных статьях, открывающих отдельные разделы сборника, попытались показать место и роль национальных игр в этнической культуре того или иного народа. Это относится к авторам разделов, посвященных играм армян, башкир, белорусов, грузин, литовцев, русских, эстонцев и некоторых других народов, т. е., как правило, к авторам из тех республик, где существуют богатые традиции систематического изучения народных игр. Так, в Эстонии картотека лишь одного Литературного музея им. Ф. Р. Крейцвальда АН ЭССР содержит более 21 500 тематически систематизированных описаний народных игр. В Армении издано 12 сборников национальных игр и обобщающий труд «Армянские народные игры» [5].

Интересную работу проделали авторы ряда статей, отмечая сходство или различие в играх народов или этнографических групп, населяющих ту или иную республику (разделы «Бурятия», «Дагестан», «Кабардино-Балкария» и др.). На этом фоне вызывает недоумение раздел, посвященный мордовским играм, в котором представлены материалы, собранные только в районах, населенных мордвой-эрьзей. Ценными наблюдениями о бытовании игр особенно богаты статьи авторов, проводивших специальные этнопедагогические исследования народных игр в ходе многолетних экспедиций (разделы «Российская Федерация», «Украина» и др.).

---

[1] *Wissler C.* The Relation of Man to Nature in Aboriginal America. N. Y., 1926. *Mead G. H.* Self and Society. Chicago, 1934.

[2] Роль отечественных этнографов в изучении народных игр освещается в вводных статьях к разделам рецензируемого сборника.

[3] Библиографию по этому вопросу см.: *Комарова Г. А.* О понятии «этнопедагогика» в советской этнографической и педагогической науке.— В сб.: Изучение преемственности этнокультурных явлений. М., 1980.

[4] *Lancy D. E.* The Role of games in the Enculturation of Children. San Francisco, 1975. *Schwartzman N. B.* Transformations: the Anthropology of children's Play. New York and London, 1979. *Chanan G., Francis H.* Toys and games of children of the world. P., 1984. *Blanchard K., Taylor Cheska A.* The Anthropology of introduction. South Hadley, 1985.

[5] Армянские народные игры (Подготовка текста и исследования Бдояна В.). Ереван: Изд-во АН Арм ССР (на арм. яз.). Т. I, 1963, т. II, 1980, т. III, 1984.

В целом же вводные статьи к разделам написаны не всегда ровно, что, вероятно, объясняется и их ограниченным объемом. Возможно, вместо беглого обзора или сжатых характеристик, что порой приводит к досадным оплошностям в использовании общепринятых в истории и этнографии данных (например, с. 6, 140, 163), стоило бы указать на имеющиеся по тем или иным вопросам работы. Удачный прием, на наш взгляд, выбрали те авторы, которые, не ограничиваясь общими описаниями игр своего народа (в вводных статьях к разделам), дали их конкретные историко-этнографические характеристики по ходу описания отдельных игр (разделы «Аджария», «Марийская автономная республика», «Тува», «Чувашия», «Якутия»). Вряд ли необходимо почти в каждой вводной статье повторять, что «игры являются частью национальной культуры народа...» или «занимают значительное место в воспитании подрастающего поколения...» и т. п., поскольку все эти положения изложены во Введении к сборнику, написанном В. И. Элашвили. Оно знакомит читателя с рядом вопросов теории игр, подчеркивает значение народных игр, и особенно подвижных, в воспитательной практике, указывает на их роль в физическом воспитании подрастающего поколения.

Не со всеми положениями Введения можно согласиться безоговорочно. В частности, утверждение о том, что «принадлежность игры к тому или иному этнографическому региону, видимо, следует определять по наибольшей полноте сохранения первоначальной игровой канвы» (с. 7), интересно в качестве гипотезы, но ее всякий раз следует проверять на конкретном материале. В этнографической литературе имеются сведения о том, что наиболее архаичные пласты этнической культуры лучше сохраняются порой у той части этноса, которая удалена от основной территории расселения и живет в инонациональном окружении. Подтверждением тому служат и материалы данного сборника. Думается, неслучайно такие старинные мордовские игры, как «Овин» и «Харчевня» были обнаружены не в Мордовии, а среди мордвы, живущей в Чувашии. Вместе с тем, если принадлежность игры к тому или иному этнографическому региону определяется степенью сохранения первоначальной игровой канвы, непонятно, почему раздел татарских национальных игр открывается игрой «Маляр и краски» (с. 79). Вряд ли именно в Татарии наиболее полно сохранилась первоначальная игровая канва этой столь широко распространенной у многих народов СССР игры. Некоторые неточности в паспортизации игр (например, с. 57, 102, 107, 243), отсутствие унифицированной фонетической транскрипции (передачи звучания их названий) и другие погрешности, являющиеся результатом недостаточной изученности народных игр во многих республиках, не снижают общей высокой оценки работы, проделанной творческим коллективом сборника. Сборник представляет богатые и разнообразные материалы для решения таких вопросов, как диалектика взаимосвязи национального и интернационального в игре, взаимопроникновение игры и спорта и т. д.

Материалы рецензируемого сборника могут также способствовать разработке единой всеобъемлющей классификации народных игр, отсутствующей до сих пор в научной литературе. Всякая классификация, как известно, сложное и трудоемкое дело. В ее основу могут быть положены различные исходные принципы. В педагогической литературе существуют самые разнообразные и нередко противоречивые классификации игр, так, игры делятся на коллективные и индивидуальные; творческие и с правилами; состязательные, боевые, социальные; по возрастным группам; по степени умственного и физического труда, вкладываемого в игру и т. п. Этнографы вопросами классификации народных игр занимались крайне мало[6].

В рецензируемом сборнике описано более 400 игр, в основу которых положен «комплекс активных двигательных действий, получивших общее название „подвижные" игры» (с. 5). Конечно же, такое деление народных игр на подвижные и неподвижные вполне возможно, но не решает в целом проблему классификации народных игр. Следует ли относить игры типа тувинской «Чадыр» к подвижным? Входят ли в названную категорию игр карельские «Крууги» (танцы по кругу), латышские хороводные игры с пением и речитативом, включающие имитационные и хореографические элементы, или такой «синтетический» вид литовской народной культуры, как *ратяляй*, представленный в сборнике игрой «Юргялис»? Специалисты-хореографы склонны рассматривать ратяляй как образец народной хореографии, сами же исполнители считают ратяляй игрой, так как на первое место выдвигают не танец и музыку, а игровое действие.

Подвижные игры занимают, пожалуй, самое значительное место среди народных игр. Перед составителями сборника стояла задача «отобрать из всего многообразия подвижных игр лишь те, которые наиболее соответствуют современным педагогическим требованиям и сравнительно легко могут быть применены в физическом воспитании» (с. 3). К сожалению, им пришлось отказаться от включения в сборник устаревших, вышедших из употребления самобытных национальных игр, которые невозможно использовать в других районах страны (например, якутские игры на нартах, среднеазиатские — на конях), а также от игр, приобретших статус видов спорта.

Как ни парадоксально, но сам термин «игра» до сих пор не стал научным понятием в строгом смысле этого слова. Еще Е. А. Покровский, давший наиболее раннее систематическое описание детских игр в России, подчеркивал, что «понятие об игре вообще имеет некоторую разницу у разных народов»[7].

---

[6] В крупнейшем сборнике этнографического плана «Игры народов СССР» (сб. материалов, составленный В. Н. Всеволодским-Гернгроссом, В. С. Ковалевой и Е. И. Степановой с введением В. Н. Всеволодского-Гернгросса и предисл. Н. Маторина. М.— Л.: Academia, 1933. 563 с.) все игры были разделены на производственные, орнаментальные и спортивные.

[7] *Покровский Е. А.* Детские игры, преимущественно русские. М., 1887.

Авторам сборника удалось показать значение национальных традиций каждого народа в игровой деятельности, продемонстрировать самобытность и многообразие форм народной игры и вместе с тем в очередной раз выявить необходимость не только углубленного изучения и научного описания всего богатства народных игр, но и дальнейшего теоретического осмысления такого многогранного явления народной культуры, как игра.

Рецензируемая книга, несомненно, будет способствовать более широкому распространению, а порой и возрождению народных игр. К сожалению, тираж сборника (100 000 экз.) непозволительно мал для работы, преследующей практические цели. Следует подумать и о научном издании данного труда, тем более, что представленные в нем материалы — лишь часть тех богатств, которыми располагают ее составители, а название позволяет расширить состав игр: помимо подвижных, дать некоторые настольные, спортивные, хороводные и т. п. И, конечно же, подобное издание требует более красочного, более богатого иллюстративного оформления.

Трудно переоценить практическое значение рецензируемого издания. Известно, какие широкие общевоспитательные социальные функции выполняет игра. Вопреки мнению некоторых педагогов об уменьшении роли игры в жизни ребенка, потребность в ней у современных детей велика. В условиях современной цивилизации особенно возрастает роль подвижных игр. Для удовлетворения потребности в движении порой взамен забытых игр выдумываются новые, менее удачные, или же заимствуются игры сомнительной воспитательной ценности, модные на Западе. Остается только пожалеть, что современные дети, да зачастую и их родители, все реже обращаются к кладовой народных игр, конденсирующих положительный опыт многих предыдущих поколений. Народные игры, сохраняясь в лучших своих проявлениях, обогащаясь новым содержанием, впитывая интернациональные элементы игровых комплексов других народов, могут стать превосходным и могущественным воспитательным средством.

Г. А. Комарова

А. Ф. Некрылова. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII — начало XX века. Л.: Искусство, 1984. 191 с., 80 илл.

«Цель настоящей книги,— пишет А. Ф. Некрылова в предисловии,— познакомить читателей с одним из интереснейших и важных моментов в истории русской зрелищной культуры — с народными увеселениями ярмарок и городских гуляний России середины XVIII — начала XX века» (с. 5).

Следует заметить, что все исследования бытовой городской культуры — от первых забытых статей о петербургских и московских гуляньях «на балаганах» историков театра В. Я. Степанова и С. С. Данилова [1] до известной книги Е. М. Кузнецова [2] — были основаны преимущественно на мемуарах и работах по истории города. Материалы же периодических изданий использовались в них весьма ограниченно. А. Ф. Некрылова значительно раздвигает рамки источниковедческой базы. Наряду с мемуарами, бытовыми очерками и дневниками автор книги широко привлекает столичную и провинциальную периодику, специальную литературу, исследования по ярмаркам и городским гуляньям и впервые вводит в научный оборот документы из архивов Ленинграда, Москвы и Горького: тексты петрушечных представлений и комических диалогов, прибаутки карусельных «дедов» и балаганных паяцев, выкрики раешников, зазывал и уличных торговцев. Разнообразный и малоизвестный изобразительный ряд (графика, лубок, живопись, рисунки, фотографии, афиши), сопровождающий издание,— это не только иллюстративный материал, но и самостоятельный источник по городскому праздничному фольклору.

А. Ф. Некрылова, опираясь на упомянутый выше круг источников, пытается выявить генезис и проследить ход исторической трансформации многожанрового площадного искусства как в целом (глава «Праздничная площадь»), так и в отдельных, наиболее ярких его проявлениях (главы «Медвежья комедия», «Кукольные представления», «Театр „Петрушки“», «Раек, или Потешная панорама», «Балконные зазывалы», «Раусы», «Балаганы»).

Зрелищные формы и увеселения праздничной площади, отмечает исследовательница, «создавались на стыке двух культур — аграрной и индустриальной», (с. 10), а само гулянье как открытая система впитывало «в себя элементы и формы различных традиций, сфер быта, культуры, искусства» (с. 6). Воссоздавая общую картину городских увеселений, А. Ф. Некрылова впервые обращает внимание на площадную рекламу, подразделяя ее на устную, живописную и театрализованную [3].

---

[1] *Степанов В. Я.* Народное гулянье.— Зритель, 1922, № 3; *Данилов С.* По театрам старого Петербурга.— Искусство и жизнь, 1940, № 3.

[2] Русские народные гулянья по рассказам А. Я. Алексеева-Яковлева в записи и обработке Евг. Кузнецова. М.— Л., 1948.

[3] См. также *Некрылова А. Ф.* Народная ярмарочная реклама (К вопросу о соотношении словесного, изобразительного и игрового начал в народном зрелищном искусстве).— В кн.: Театральное пространство. М., 1979, с. 335—350.